

ОКСАНА ЕВГЕНЬЕВА

РАССКАЗОЧКИ ОТ ЗАПОЛЯРОЧКИ

Оксана Евгеньева
Рассказочки от Заполярочки

«Автор»

2020

Евгеньева О.

Рассказочки от Заполярочки / О. Евгеньева — «Автор», 2020

Рассказы о любви, разлуке, верности и изменах. О дружбе и счастье. О том, что важно и порой очень больно понять. О том, как важно любить себя. От автора популярного канала на Дзен Оксаны Евгеньевой, больше известной как Заполярочка. Многие истории основаны на реальных событиях, которые происходили в жизни автора или рядом.

© Евгеньева О., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Искусство любви	5
Котлеты и развод. Рассказ в четырех актах.	14
Акт 1. История Ани	14
Акт 2. Юра	16
Акт 3. Света	18
Акт 4. Аня	20
Как меня замуж выдавали	23
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Оксана Евгеньева

Рассказочки от Заполярочки

Искусство любви

Я влюбилась в неудачника. Это не мои слова. Так считают про него все общие знакомые. И он сам тоже так считает.

Но правда в том, что это я неудачница. Из всех возможных и невозможных мужчин я выбрала того, с кем мне вообще ничего не светит. Ничего. Никогда.

Мы знакомы очень давно. Но близко не общались ни разу. Он брат моей подруги, поэтому я знаю о нем достаточно, а он не знает обо мне почти ничего.

Он был женат. Пять лет. Я в курсе мельчайших подробностей его семейной жизни, как и деталей развода. Жена не просто ушла. Она его растоптала. Бросила в самый неподходящий момент, в период глубокого финансового кризиса. Тогда он потерял все. Работу. Жену. И самоуважение, узнав о ее похождениях. Она ушла к другому, предварительно поделив все совместно нажитое имущество. Распил был полным и беспощадным, по словам Аньки, его сестры.

Хотя Ваня не сильно сопротивлялся. Он шел на дно. И по сути, ему было безразлично, с диваном ему тонуть или без.

Я переживала очень. С одной стороны, мужчина моей мечты оказался свободен. С другой – он был фатально разбит. И непригоден для новых отношений.

Когда я познакомилась с ним, он был уже женат. Сейчас он находится в том стойком неприятии женщин и самого слова «отношения», поэтому у меня нет никаких шансов. Никаких. Хотя после развода прошло три года. Но Аня говорит, он – махровый холостяк и женоненавистник.

Он сам называет себя неудачником. И до сих пор не может прийти в чувства после предательства. И я неудачница, которая из всех возможных мужчин выбрала самого недостижимого. Мне кажется, даже «голубой» в этом плане был бы куда перспективнее, чем Ваня.

Не могу сказать, что страдаю от неразделенных чувств. Нет. Моя жизнь не стоит на месте. Я пробовала встречаться с разными мужчинами. Пробовала отношения и даже жила с одним парнем. Но. Это все было бессмысленно, потому что в сердце зияла пустота.

Мне скоро 30. Я до сих пор одна. У меня живут два кота, и я близка к штатной картине женского одиночества. Я к нему готова. Наверное.

Хотя кого я обманываю?

– Лен, ты меня слушаешь?

Я дергаюсь. Увязла в размышлениях и забыла, что сижу на свидании с очередным кавалером, с которым меня познакомила коллега. И отказать было неловко. Что-то она мне такое жалостное про него втирала. Но уже не помню, что. Или я не слушала? Сижу и просто трачу наше время. Хотя каждый раз, собираясь на свидание, надеюсь. А вдруг, я смогу? Влюбиться.

– Да. Просто немного задумалась.

– У тебя все в порядке? – спрашивает мой кавалер. Кажется, Игорь.

– Нет. У меня не в порядке. Прости, я полная дура. Я просто трачу твоё время.

Говорю то, что вертится на языке.

Игорь смотрит на меня внимательно и вздыхает:

– Пытаешься кого-то забыть?

– Да.

– Понимаю.

Теперь я смотрю на него с интересом. Внимательно. И мне на миг становится смешно.

– Ну вот, встретились два одиночества, – я хихикаю.

Он улыбается.

– Да уж. Расскажешь?

– А что тут рассказывать... Я восемь лет влюблена в человека, который обо мне даже не знает. Он женоненавистник с отягчающими обстоятельствами в виде бывшей жены, которая своим существованием убеждает его, что все женщины – гадины. В целом убеждать его не нужно. Это его аксиома, – я выдыхаю и пью вино.

– Мило. Сидишь себе и страдаешь, значит. Здорово придумала.

Он язвит, а злюсь.

– А ты типа такой умник. Да?

– Нет, я еще больший идиот, чем ты. Но у тебя хоть шанс есть. А я свой упустил.

Я смягчаюсь.

– Замуж вышла?

– Ага. За меня. А потом умерла. Ладно. Тебе это знать не обязательно. У тебя свои планы на жизнь – сидеть в окружении кошек и ныть каждый день о неразделенной любви.

Он встал. Бросил деньги на стол и вышел. А я сидела, прибитая его словами к стулу. Он прав. Он бесконечно прав.

Уже вечером от Игоря пришло сообщение: «Прости, что психанул. Но хватит терять время. Действуй. Мир?»

«Мир», – ответила я.

А потом дописала: «Я не знаю, что делать»

«Пусть он хотя бы о тебе узнает»

«Как?»

Он молчит. А через пять минут приходит сообщение:

«Искусство любви дзэдзюцу. Почитай»

Следом летит сообщение со смайликами. Шутит? Издевается? Но мне интересно. Я беру компьютер. Ввожу в поисковик и читаю. А потом начинаю громко ржать, до слез.

«Ну как?» – приходит смс от Игоря.

«Строю коварные планы», – отшучиваюсь.

«Серьезно? Желаю удачи»

«Она мне точно понадобится», – пишу я и убираю телефон. А в голове слова Игоря: «пусть он хотя бы о тебе узнает».

Ну что же. Пусть узнает. В конце концов, что я могу потерять кроме своего самолюбия?

Шутка Игоря сработала. Я уже битый час думаю о том, как обставить нашу встречу с Ваней. У меня есть козырь – его сестра. И то, что я знаю о нем.

Но есть и другой момент. Наша встреча должна быть разыграна идеально. Другого шанса у меня не будет. Поэтому надо постараться.

Читаю еще раз про искусство любви Дзэдзюцу. Легкое касание. Суть в том, что он должен оказать мне помощь и при этом не пожалеть, а отнестись как к женщине красивой. Сижу, размышляю.

Машина сразу отпадает. Там не пожалеть меня – очень трудно. Мне самой себя очень жалко за рулем. Весь задний бампер в царапинах и вмятина. Передний бампер тоже под вопросом. Да и водитель я, как в тех самых анекдотах. Камикадзе. Страх руля сильнее меня.

Что остается? Компьютер? Смогу ли я выглядеть достойно, попросив установить винду? Перетащить диван? Помочь с сумками? Все как-то очень жалко и мелко. Если учесть, что Ваня женщин презирает, то будет очень сложно завоевать внимание. И что делать?

Звонить Ане, сестре. Зондировать почву.

Я набираю подругу и аккуратно выпытываю у нее новости. Подруга не знает о моих чувствах. А я не спешу вываливать их на нее. Очень чревато последствиями. Хотя... Может, пришло то самое время, когда связи помогут.

– Ань. Мне нужна помощь.

– Что случилось?

– Пока ничего. Но я хочу. Я хочу познакомиться с твоим братом.

– С Ванькой? Зачем?

– Зачем-зачем. За шкафом. Нравится он мне. Может, он мой последний шанс.

– Ну ты даешь, – хихикает она. – Нашла, кому свой последний шанс отдавать. Он им вряд ли воспользуется.

– Слушай, ну я же не зря твоей помощи прошу.

Она становится серьезнее.

– Что мне надо сделать?

– Познакомь нас. Но не так, как раньше. «Привет, это Ленка. Мы пошли на танцы». А конкретно, чтоб была возможность пообщаться. Сможешь?

– Ладно. Я подумаю. Позвоню тебе позже.

Честно говоря, я ожидала большего ажиотажа и вопросов от подруги. Меня терзали сильные сомнения. Но отступить было глупо.

Аня позвонила вечером

– Так. На выходных идем на шашлыки. К родителям на дачу. И сразу говорю – я как бы не при делах. Начнешь на него вешаться – меня подставишь. Помнишь Маринку? Я их пыталась свести уже. Теперь нет Маринки в моих друзьях, а у брата доверия ко мне тоже нет, – она вздыхает. – Лен, я очень дорожу нашей дружбой.

– Я знаю, Ань. Я буду аккуратна. Если пойму, что для последнего шанса он не кагит, сразу же капитулирую. Не переживай. Я не собираюсь вешаться на него. Хочу просто пообщаться.

Разговор с подругой еще больше меня взволновал. Подготовка требовалась внушительная.

На самом деле я никогда не бегала за парнями. Я не урод. И как-то получала свою долю мужского внимания без проблем и на постоянной основе. За мной ухаживали. Я общалась и встречалась с мужчинами. Я никогда не думала о том, как завоевать чье-то расположение. А сейчас вот думаю, что делать. А посоветоваться не с кем.

Я перелопатила форумы. Начиталась статей. Изучила все, что только могла. И поняла, что в голове яснее не стало. Так что придется действовать по наитию.

Задача на первое свидание – зацепить внимание. Это минимум. А максимум – дать ему проявить себя как мужчина и вызвать у него интерес. Запомниться.

Выходные выдались жаркими. Я выбрала шорты и легкую рубашку. Нанесла макияж. Сделала все, чтобы выглядеть красиво, но не вычурно. А то я помню, как одна моя подруга пришла на шашлыки в норке. Это было красиво. Хотя... насколько я помню, мы тогда с девчонками нанизывали мясо и рубили салаты, а она щебетала с мужчинами. Так что ее план нельзя назвать неудачным, а мы еще долго ее обсуждали. Пока она с кем-то там целовалась. Вот ведь хитренькая! Прозрение ко мне пришло слишком поздно. Не такая она и дура, оказывается!

Но мне нужно было легкое ненавязчивое касание, а не прыжок пантеры. Я не на охоте. Скорее, в разведке.

– Знакомься, это Ленка. Моя подруга.

– Привет, – сказал мне Ваня и улыбнулся. Я была почти в обмороке. Но изо всех сил делала вид, что все хорошо.

– Привет, – я улыбнулась в ответ.

– Ладно. Познакомились и хватит. Пойдем, – сказала подруга и потянула меня за руку.

– Ну что, как дела? – спросила она.

– Сама не знаю.

– Есть план?

– Неа. Полная импровизация. И надежда, что хоть мясо поем. Расслабься, Ань. Я просто в тупике. И мне нужно развеяться.

– Ну-ну. Давай.

Мы жарили шашлык, смеялись и общались. Все шло чудесно. Родители Ани поглядывали на меня с любопытством. Зуб даю, что подруга им все рассказала. Хотя, может, оно и к лучшему.

Родители определенно были у меня в союзниках. Они замечательные. И я знала, что очень переживают за Ваньку. Ему уже под 40. А внуки под большим вопросом. Анька тоже не спешит радовать своих родных пополнением.

Я нисколько не удивилась, когда Анин отец принес бутылочку и сказал:

– Клубничная настоечка. Сам делал. Для девиц – самое оно.

Настоечка оказалась что надо.

Вечер потек еще веселее и душевнее. Но к Ване я не приблизилась ни на миллиметр. Хотя он шутил и смеялся вместе с нами.

Я знатно расслабилась благодаря настоечке и, кажется, вообще позабыла, зачем я тут. План минимум был выполнен. И я немного успокоилась. Уже было проще. Теперь мы хотя бы знакомы формально. А не так – «эй, я подруга твоей сестры». Теперь можно просить о помощи, или как там сказано в искусстве этом японском. Нанимать бандитов, чтобы он меня защитил?

Эта мысль показалась мне такой смешной, что я заржала. Все посмотрели на меня, и Анин отец сказал:

– Сын, проводишь Лену домой. А Аня останется, маме поможет.

Мне очень хотелось броситься в объятия этого умного мужчины, но я сдержалась. Для приличия попыталась отказаться, но отец подруги был непреклонен. Везение!

Идти было недалеко. Их дача находилась в трех автобусных остановках. Мы решили, что пройдемся пешком и проветримся.

Разговаривали ни о чем. О погоде, новостях. Я ловила каждое слово и чувствовала себя абсолютно счастливой. В голове то и дело звенело: сделай что-нибудь, давай. Но я не знала, что именно сделать, поэтому просто шла и улыбалась как дурочка.

Ровно до тех пор, пока не поняла, что мне тошно. Наливка из мозга стала плавно спускаться в желудок, вызывая самые неприятные двухсторонние ощущения.

Ванин голос уже не казался мелодией сердца. Скорее скрежетом металла. Лоб покрылся испариной, а живот стянуло рабицей. Мне было плохо. Да нет. Хреново.

– С тобой все нормально? – спросил Ваня.

Я попыталась улыбнуться. Но не смогла. Губы перекошились, слюна заполнила рот, и я осознала. Вот задница! И меня вырвало.

Я стояла на обочине, а Ваня побежал в ближайший магазин за водой. Меня выворачивало. Хотелось зарыть себя в землю, да так, чтоб не нашли. Никогда.

– Тебе не легче? – спросил он.

– Легче, – соврала я и взяла у него воду. Умылась. Прополоскала рот и остатки вылила на голову. Терять мне было уже нечего.

Легкого касания не случилось. Это фиаско, полное и бесповоротное. Гребаная настойка.

Он проводил меня до дома. Я шла, не чувствуя тела. Вода капала с волос, тушь потекла. И пахло от меня далеко не тюльпанами. Хотелось плакать.

Чем я и занялась, когда вернулась домой.

Я залезла в ванную и поливала себя водой, пока окончательно не пришла в чувства. Хотя, лучше бы не приходила.

От Игоря пришло сообщение:

«Ну как все прошло?»

«Это фиаско, меня вырвало ему на ботинки»

«Серьезно?» И куча смайликов.

«Очень смешно»

«Зато он точно никогда тебя не забудет. Даже если захочет. Не вешай нос. Не все потеряно»

Но я так не считала. Для меня было потеряно все.

Утром мне позвонила Анька и пять минут хохотала в трубку. Мне, если честно, смешно не было.

– Ну ты даешь, подруга! – сказала она. – Твой план был просто бесподобен.

– Ох, – только и смогла выдать я.

– Ладно, не переживай. Ты и правда произвела впечатление на Ваньку, – она опять засмеялась. – По крайней мере, он точно не думает, что ты засланная коняшка, которая хочет его охомутать. А это тоже неплохо.

– Уже без разницы. Я передумала давать шанс твоему брату, – буркнула я. – Я теперь его за три километра буду обходить стороной. Это кошмарный стыд.

– Да ладно тебе, со всяким может случиться. Перенервничала просто. Зато как сблизилась, – и она опять заржала.

– Все. Пока, – сказала я и положила трубку.

Мне не хотелось просыпаться в этот мир.

Но деваться было некуда. Ждали дела, и раскисать не стоило. Иначе эта тоска может затянуться на всю жизнь.

Игорь прислал смс: «Как ты?»

«Хуже не бывает», – написала я.

«Держись, дружок. Хуже – бывает. Так что соберись, и в бой. Исправь ситуацию. Такой повод для встречи упускать нельзя»

«Какой повод?»

«Раскаяние»

Легко сказать – исправь ситуацию. Но у меня и правда всего два варианта – забыть и забить. Или попробовать еще раз. Первый вариант я всегда успею использовать. Я восемь лет в этом варианте жила.

Надо встретиться с Ваней. И хотя бы извиниться за вчера.

Так. Что там у нас по плану? Легкое касание состоялось (ха-ха-ха). На очереди двое на острове? Очень актуально. «Случайная встреча и нити судьбы, которые свяжут нас по рукам и ногам, воспоминания, которые сблизят». О да, с воспоминаниями у нас теперь полный порядок. Будет что детям рассказать.

Итак, случайная встреча. Я просидела в кустах под домом Вани полдня. Боялась его пропустить. В голове крутились мысли о том, как сделать нашу встречу случайной. Внезапно столкнемся у его подъезда, и я извинюсь за вчерашний вечер. Скажу, что к подруге шла. План неидеален, но другого у меня нет.

Я маялась. Сразу топталась на месте. Потом несколько раз обошла вокруг дома от безделья. Но это было рискованно. Могла пропустить Ивана. Поэтому вернулась в свой пункт слежения под кустом и продолжала пялиться на подъездную дверь.

Пока у меня не зазвонил телефон.

– Лена. Это Ваня. Привет.

Я вросла в землю. Нифига себе!

– Привет.

– Слушай. Это не ты у меня под окном стоишь? Под кустом?

Ну ё-моё. Ну как так-то? Почему я не подумала о таком развитии событий?! Наливка еще в организме, не иначе.

– Э... Я.

– А что ты там делаешь? Я уже час за тобой слежу.

Черт! Решаюсь сказать правду.

– Тебя жду. Хочу извиниться за вчерашнее.

– Ясно, – он молчит. А потом произносит: – Поднимайся, 32-я квартира.

Я вытираю вспотевшие ладошки о платье и тащусь к нему. Шпион, твою мать. Организовала случайную встречу. Хорошо подготовилась.

Он домашний. В спортивных шортах и футболке. Встречает с приветливой улыбкой:

– Надо было Аньке позвонить. Телефон мой узнать. А то стоишь битый час. Я не сразу понял, что это ты. Думал, кто-то кусты присматривает.

Я краснею.

– Не хотелось ей звонить. Она сегодня полчаса в трубку смеялась, вспоминая вчерашний вечер. Спасибо, что сохранил наш секрет.

Он смущается.

– Прости. Просто мне показалось это забавным. И я ей рассказал.

– Ага. Очень. Теперь она будет забавно вспоминать это всю мою жизнь и рассказывать нашим общим знакомым.

Он виновато улыбнулся.

– Чай будешь?

– Буду, – не стала отказываться я.

Мы сели за стол и я решила:

– Мне, правда, очень неловко. Я вообще не пью. А тут эта наливка.

– Не переживай. Ты не первая, кто от нее страдает...

Я задумалась. А так ли уж родители на моей стороне? Или это стандартное отворотное зелье?

– Моя жена, бывшая, – запинается он, – тоже наливки этой выпила. Нес домой на руках, а она песни орала на весь квартал.

Он вздохнул. И я вздохнула вместе с ним:

– Я от себя такого не ожидала. Мне так плохо с института не было.

– Ладно, забей. Это ерунда все. Посидели ведь хорошо.

– Это да. Хорошо.

Мы мило болтали. И я расслабилась. Он еще несколько раз вспоминал бывшую жену. И я не удержалась:

– Вань. А почему ты все время ее вспоминаешь? Анька рассказывала, что вы плохо разошлись. И она из тебя все жилы вытянула.

– Анька много болтает, – резко ответил он. А потом смягчился. – Знаешь, что для мужчины развод? Это потеря смысла. Когда ты до этого знаешь, ради чего работаешь. Зачем все вообще это, – он разводит руками по сторонам. – О детях мечтаешь. Планы строишь. Стабильность выстраиваешь, новую систему координат. А потом все рушится. Я не говорю о работе. У меня тогда вообще все рухнуло. И смысл жизни исчез. И теперь не знаю, что делать дальше. А главное – не хочу. Ничего. А воспоминания о ней... Они остались. Они – как напоминание о том, как было хорошо.

Я смотрю на него. Мне очень грустно. А он продолжает:

– И ведь дело не в любви безумной. Дело в том, что все стало бессмысленным. Она не просто ушла. Она забрала с собой все, что у меня было. Включая почву под ногами.

– Слушай, но ведь это не конец жизни.

– Много ты там понимаешь. Конец – не конец.

– Я может, и не очень много. Но вот у моего друга, – я вспомнила Игоря, – жена умерла. И вот тут точно конец.

– Это философия. У кого конец концевее. От того, что моя жива – смысл жизни не появляется, – отрезал он.

Я внимательно смотрю на него. И вижу себя. Таковую же тупицу. Которая сидит и страдает. Я восемь лет. А он уже три года. А фишка в том, что это уже не просто страдания, а привычка. Я поставила жизнь на паузу в ожидании великой любви. А он – из-за разрушившихся надежд. И это так глупо. Потому что все можно изменить. И больно. Потому что ничего менять не хочется.

Хочется плакать от этих мыслей. Они безжалостны.

Я встаю. Подхожу к Ване. Беру его за лицо и целую. Крепко. Со всей моей восьмилетней неизрасходованной энергией. По барабану уже на все эти искусства любви, дзэдзюцу. Приходит понимание – бесполезно. Все бесполезно. Потому что с идиотами никакие правила не работают.

Долго целую. Он не сопротивляется. А потом говорю:

– Спасибо за чай.

И ухожу.

Дома набираю Игорю смс:

«А ты сам ходишь на свидания? Или страдаешь?»

«Ну с тобой же пошел»

«А жена? Ты готов к новым отношениям, несмотря ни на что?»

Он долго не отвечает. Я ругаю себя за бестактность.

Вспоминаю Ваню на кухне и слова про его жену. По сути, она живет, продолжает жить полной жизнью. Спать на их диване, отжатом при разводе. А он – нет. Он смысл вон потерял. Сухоцвет в книжке, а не мужик.

А у меня его и не было, смысла. Я его подарила своими руками. Так что я даже до сухоцвета не дотягиваю. Пыль придорожная.

Приходит ответ от Игоря:

«Я живу. А не доживаю»

Перечитываю несколько раз. Переосмысляю. Опять перечитываю. И ничего не пишу. Я не знаю, что ответить.

Следующие дни я настойчиво изолирую себя от любого общения. Не хочу ни с кем разговаривать.

Мне звонит только Аня. И я сбрасываю. Нет желания рассказывать о своей глупости. Игорь не пишет.

А Ваня молчит. Это обидно. У него есть мой номер. И после поцелуя я ждала хоть какой-то реакции. Но он исчез. Очень стандартное поведение для человека, который три года не может пережить развод. Хотя, на что я рассчитывала?

Свалилась к нему на голову со своими чувствами. И произвела самое неизгладимое впечатление. Теперь вряд ли он меня забудет. Еще друзьям будет рассказывать, как в первый вечер я напилась до тошноты. А потом шпионила под окном. Или кусты искала.

Ох...

Наконец телефон оживает. Приходит смс. От Игоря:

«Страдаешь?»

«Отвянь»

«Пошли в кино?»

Читаю. Смотрю в окно и думаю. Не больше двух минут. Пишу:
«Пошли»

Мы встречаемся у кинотеатра. Никакой подготовки. На мне джинсы и гулька. Хватит с меня всех этих манипуляций.

Фильм отличный. Смотрю с удовольствием. Смеюсь. Отдыхаю.

Игорь спрашивает:

– Прогуляемся?

– Прогуляемся, – отвечаю я и беру его под руку.

Между нами нет романтики. Есть что-то другое. Я бы назвала это... дружбой?

– Расскажи мне о себе.

– А слушать будешь? Или все мысли о нем?

– Буду, – киваю я и слушаю внимательно.

О том, как Игорь познакомился с женой. О том, как они играли свадьбу и счастливо жили. О том, как выбирали кота и хотели детей. Он рассказывает и улыбается. А потом убирает улыбку с лица и стареет мигом лет на десять.

– Ее сбила машина. Без шансов. Пять лет прошло уже.

– Мне очень жаль. Правда.

– Мне тоже. Но я знаю, что бы она сказала сейчас нам с тобой.

– Что?

– Жизнь продолжается. Хотя. Я сам не сразу это понял. Первые годы как в аду. Ни есть, ни пить не мог. Кругом ее запах. Призраки. Вещи, детали. Волосы, которые раньше бесили, а теперь стали вызывать трепет. И наши мечты. Повсюду. А потом наступил предел. Чувствую, что все. Дальше некуда. Завяз в горе, как в болоте. Хоть ложись и умирай. Все смысл потеряло. Понял, что надо выбираться. Знаешь как? Тетя у меня есть. Ей 70. Одна она. В молодости муж погиб. Почти 45 лет одна. Вот звонит и говорит: «Жизнь прошла, а ничего в ней и не было. А могло ведь. Только я страдала. Сидела по вечерам в рубашке мужа, да копалась в воспоминаниях. Бережно чистила их, как жемчуг. И раскладывала по коробкам. Сидела и раскладывала. Пока другие жили. Детей рожали. Гуляли. Влюблялись, целовались. Творили глупости. Ошибались. Или совершали важные поступки. Они жили. А я сидела, перебирала, тосковала. Изо дня в день. А сейчас воспоминания почти стерлись. А новые так и не появились. И жизнь прошла. Мимо». В общем, ее слова меня вытаскили. Я будущее хотел. Детей. Сразу в работу нырнул. А потом стал возвращать вкус жизни. То музыку послушаю. На концерт схожу. В театр. Общаться с женщинами стал. С тобой вот. Так и пошло. Жену вспоминаю тепло. Но живу. Стараюсь, – он опять улыбнулся.

У меня мурашки по телу побежали от этого рассказа. Не знаю, что сказать, но шепчу:

– Ты прав. Жизнь продолжается.

Мы идем под руку, неспешно. От грустных тем переходим к более веселым. Я рассказываю, как пыталась влюбить в себя Ваню. Почти по минутам. В деталях. И мы ржем. Как кони.

Потому что это правда смешно.

Меня кто-то окликает. Слышу свое имя. Ваня. Идет с сумками из магазина. Смотрит на меня и на Игоря. Оценивающе.

– Привет.

– Привет, – говорю я. – Это Игорь. Мой друг.

Они жмут друг другу руки. Мы перекидываемся парой фраз и расходимся.

Игорь нарушает тишину:

– Он тебе позвонит сегодня. Точно позвонит. Видела, как смотрел?

– Да ну тебя.

– Он позвонит. А ты держи дистанцию. Не прыгай к нему в объятия сразу. У тебя соперник сильный – его прошлое. Сражаться с ним сложно. И иногда бессмысленно. От человека

зависит, насколько он хочет жить или доживать. Но ты дай ему шанс. Пусть повоюет. Пусть попробует. Ты хорошая девчонка. И любишь его. Просто придержи дистанцию. Но подкидывай дровишек.

– Как в дзёдзюцу? – смеюсь я.

– Нет. Как в жизни. Мы всегда хотим то, чего у нас нет. Очень хотим.

Я вздыхаю.

– Если он позвонит.

Мы еще долго прогуливаемся по тихим вечерним улицам. Игорь интересный собеседник. И нам легко. Идея приходит сама по себе.

– Слушай! А давай я тебя с Анькой познакомлю. Подруга моя. С юмором у нее так себе.

Но вообще, она классная. И родители у нее нормальные. Настойку вкусную варят.

Мы опять смеемся. Да так, что до слез.

– Нет. Я, правда, тебя с ней познакомлю. Не отнекивайся.

– Да я собственно и не против. Жизнь...

– Продолжается, – заканчиваю я.

А вечером в моей квартире раздался звонок. Не спешу брать трубку. Считаю секунды.

– Привет. Это Ваня.

– Привет.

Я улыбаюсь.

Котлеты и развод. Рассказ в четырех актах.

Акт 1. История Ани

Обычный мартовский пятничный вечер. Притарабанила сумку с продуктами. В планах котлетки с картошечкой и салатик. Как я люблю. Пекинская капуста, огурчик. Соль. Немного масла. И много укропа и зеленого лука, очень много! Вкуснятина.

Включаю радио. Пританцовываю. Кошак трется в ногах, тоже хочет поесть. В этом мы всегда были на одной волне. Обжоры. Но что он, что я, научились принимать свои недостатки, причем с удовольствием. Причмокивая.

Слышу, как хлопает входная дверь. Ого! Рано пришел сегодня.

Тем приятнее будет ужин. Вдвоем.

Фарш на котлетки уже накручен. Лук на терке. Пара зубчиков чеснока раздавлена. Утираю слезы. Кусочки батона размочены в молоке. Укроп мелко нарезан и ждет своего часа присоединиться к картошке с маслом. Много укропа, много. Хочется ощущать запах весны по всей квартире, запах свежей зелени и огурцов. Отличное сочетание.

Муж тихо заходит, садится и молчит.

– Ну привет, – говорю я. – Голодный?

– Не очень. Я булку съел у метро.

– Ну даешь. Булку. Я вон какой ужин готовлю. Вино откроем?

– Ань, я хочу с тобой поговорить. Мне надо. Поговорить.

Я отрываюсь от фарша. Поворачиваюсь и смотрю на него.

– Что случилось? С мамой все в порядке?

– Все хорошо. У меня все хорошо. Я о другом.

Я выдохнула. Его мать уже давно балансирует на грани жизни и смерти. Но рано еще. Рано. Расслабляюсь. Леплю котлеты и валяю их в сухарях.

– Ань. Я влюбился. Кажется, я потерял голову, Ань. Я люблю ее.

Он трет лицо руками.

Я останавливаюсь.

– И? Кто она?

– Она чудесная. Она такая живая, веселая. Прости. Прости меня. Но я ничего не могу с собой поделать.

Жарю котлеты. Они зашквариваются на сковороде, источая невероятный запах. Кошак уже откровенно мяукает, жрать просит. Картошку сдабриваю маслом, посыпаю укропом. Встряхиваю. Молчу.

– На, поешь. Наверное, устал как собака. От эмоций. Поешь, поешь.

Накладываю котлеты, салат, картошечку с укропом. Во рту не слюна, а водопад. С водоворотами. Сегодня будет чудесный ужин. Предчувствую.

Он молчит. Не смотрит на меня.

– Ладно, вино сегодня отменяется. Будем пить, что покрепче.

Достаю бутылку, рюмки и присаживаюсь.

Он молчит. Смотрит. Решается:

– И ты ничего не скажешь?

– Как ничего?.. Ешь давай быстрее, остынет. Картошка просто нереальная получилась.

И котлеты. Ешь. Потом поговорим.

Он взял вилку и стал есть. Сразу неуверенно. Без аппетита. Потом все с большим и большим энтузиазмом.

Я смотрю на него. А в голове – тишина. Пустота. Катарсис.

Мы вместе уже сколько? Пятнадцать лет. Да, пятнадцать, с института. С самого начала. С самого дна и до середины. Вместе. И все – притопали. Вздыхаю. Он отрывается от тарелки:

– Ань. Что мне делать?

– А что ты хочешь делать? Ты знаешь, я держать не буду. Если решил уходить – помогу собрать чемоданы. Только если уходишь, то все. С концами. Без метаний. Нам они не нужны. Она как? Тоже... влюбилась?

– Да, Ань.

– Ну вот и решай. Котлеты вкусные?

– Обалденные. Как ты это делаешь?

Я промолчала. Налила рюмку. Выпила. Потом еще одну. Закусила котлетой и встала.

– Ну что, я пошла доставать сумки? Тебе надо списки написать, чтоб не забыть ничего.

Где жить будешь, решил уже?

Молчит. Жует.

– Ну ладно, разберешься. У мамы наверняка можно пожить какое-то время, пока квартиру не снимешь. Это все мелочи, если речь идет о любви, – без сарказма в голосе сказала я.

– Ты так спокойно это говоришь, что мне страшно. Тебе все равно?

– Нет, Юр. Просто я сама любила. И знаешь – не буду мешать. Если это любовь, то разве я имею право? Значит, пришло наше время. Посуду не убирай, я сама помою.

Он встал. Погладил свой живот. И направился в нашу спальню.

– Знаешь, Ань. Нет. Точно. Зря я тебе все это сказал. Я вообще ни в чем не уверен.

– Что, теперь проверять будешь? Любовь или не любовь? Нет, Юр. Так не пойдет. Мне кажется, раз сомнения есть, значит, им есть причина. А значит, надо думать. Да и мне, поверь, теперь тоже есть над чем подумать.

Так что давай, я помогу сложить тебе сумку и поезжай к маме. А там посмотрим. Любовь – это не шутки.

Юра смотрел на меня с изумлением.

– Но Ань...

– Я тебе положу котлет. Маму угостишь заодно. Давай, давай. Проверь, все ли я собрала.

Я подвинула две сумки к выходу.

– Как доедешь – позвони. Маме привет.

Юра сник. Стоял, смотрел на сумки и на меня.

– Ты серьезно?

– Конечно. Ты же сам начал этот разговор. Ведь хотел уходить? Так вот я помогла тебе с вещами. Можешь идти. Потом созвонимся. Боюсь, что твоя любовь будет сильнее нашего брака. Так что пока посмотрю, что там нужно для развода. Маму пока не пугай. Здоровье ее не выдержит. И береги себя.

Я открыла входную дверь нараспашку.

Юра встал. Глаза его были широко распахнуты. Одедся. Взял сумки и вышел. По пути трижды на меня обернувшись.

Я закрыла дверь.

Пошла на кухню, накидала побольше салата, картошечки и пару котлет. Кошаку насыпала корм и села. Зазвонил телефон. Юра. Отключила.

Выглянула в окно. Сидит.

Ну, сиди-сиди.

Еще одна рюмка. И смс подруге:

«Ушел. Влюбился, вроде. Надеюсь, с концами. Свобода. Ура!»

Котлета разваливалась во рту. А по щекам струились слезы. Жалко, что больше не смогу готовить картошку с котлетами. Они больше не про весну. Про предательство.

Акт 2. Юра

Я даже не знаю, с чего началось. Может, с того момента, как жена стала слишком привычной, домашней. Так похожа на свою маму. А может, когда на работе появилась она. Свежая. Красивая. И такая солнечная.

На нее хотелось смотреть. Хотелось улыбаться. А внутри что-то щелкало. Желание? Вожделение? Возможно. Хотелось, чтобы никто на нее не смотрел. Чтобы больше она никому не улыбалась. Сияла только для меня.

Света подошла ко мне на корпоративе. Вот. Не знаю, с чего началось. Но точка отсчета была поставлена. Веселье. Танцы. И первый поцелуй в коридоре. Этот запах... Эти волосы... Я просто сошел с ума. И мне не казалось, что я делаю что-то преступное. Преступление – пройти мимо всего этого. Не испытать. Не попробовать.

Да. Дома меня ждала Аня. Но и это не останавливало. Никакие мысли не останавливали. Никаких запретов не было. Так начался наш роман со Светой. Так я понял, что все, что было раньше – пустота. Тишина.

Света сразу сказала, что она не из тех, кто встречается с женатыми. Не из тех, кто ломает семью. Ее выворачивало, выкручивало от всей ситуации. Да и я не мог смотреть Ане в лицо. И понял, что надо решаться.

Детей у нас с Аней не было. Последствия молодости. В 19 не захотели. Думали, что надо бросить все силы на учебу. Поэтому прерывание стало выходом. А потом оказалось, что больше детей у нас не будет. И честно – это самое большее, что тяготит. Бросить Аню, предать. Дело не в измене, а в этом «у вас не будет детей». Это нереальный груз.

Хотя были бы дети, и груз был бы гораздо тяжелее. А детей я хочу. Я правда хочу детей. А значит, выбор сделан.

Иду домой. Дома как всегда пахнет вкусно. Что-что, а хозяйка из Ани гениальная. Из сырка «Дружба» и пучка салата с чесноком она может сделать произведение искусства.

Меня ждут котлеты. Картошка. И салат. Пахнет изумительно. Рот утопает в слюнях. Боюсь смотреть ей в глаза, но решаюсь. Прыгаю с головой в омут. Говорю:

– Ань, кажется, я влюбился.

А дальше – как в тумане. Честно говоря, я ждал, что она набросится на меня, плакать будет. А она накормила и собрала мои вещи. Укладывала сумки и что-то объясняла. Но я не слышал. Я смотрел на нее, такую бодрую.

Господи, что я творю? Ведь это Анька, моя Анька. Такая родная и теплая, уютная. Сколько уже вместе? Лет 15? Да. Точно.

Кошак трется в ногах, а Аня настойчиво указывает мне на дверь. С улыбкой. Но я вижу, что глаза мокрые. И мне неуютно, стыдно. Мне адски, блин, стыдно перед ней.

Беру сумки и выхожу.

Ехать никуда не хочется. Она мне про маму говорила, Аня. Я беру телефон и звоню Ане. Скидывает.

Звоню Свете. Берет.

– Я ушел от жены. Стою с сумками на улице. Ты дома?

– Ого! Юр...

Молчание. Она шмыгает вроде. Плачет что ли?

– Юр, я сейчас не дома. Буду через час. Приезжай.

Я сажусь на лавку. Сил нет. Не думал, что это так сложно, уходить. На душе тягостно. Вспоминаю Аню и ее реакцию. Почему так спокойно? Хотя она всегда отличалось мягкостью. Взвешенностью. И мудростью.

Даже не знаю, как маме скажу. Она реально не переживет. Достаяю котлеты. Ем. Не везти же их Свете? Глупо, правда. А выкинуть – рука не поднимается. Это не котлеты – это шедевр. Эх...

Пустота внутри. Хоть и желудок под завязку. Вызываю такси и еду к Свете.

Ее квартирка маленькая и неуютная. Вся современная. Наша с Аней теплая, мягкая. А тут и сесть некуда, чтобы развалиться у телика.

Сажусь на пластиковый табурет. Света сияет. Достает шампанское и контейнеры с едой.

– Юр. Ты просто нереальный. Я даже не думала, что ты так быстро решишься. Сейчас отмечать будем, я еды набрала. Ты что будешь? Тут и картошка, мясо. Пицца. Даже шаурму взяла. Вдруг, ты хочешь что-то такое, о чем мечтают холостяки.

Она смеется. И я смеюсь. Господи, как она смеется!

– Я не голодный. Но очень устал. Плохо мне. Тяжело. Чувствую себя мерзко.

– Сейчас я тебя согрею, сладкий мой. Сейчас станет легче. Ты все правильно сделал. Для нее правильно. Обманывать гораздо хуже, Юр. Гораааздо хуже.

Она подошла ко мне, обняла, и я утонул в этих объятиях. Стало хорошо. Только Анькины котлеты встали поперек горла.

Акт 3. Света

Он позвонил мне, когда я была с друзьями в кафе. Сказал, что ушел от жены. Честно, я поперхнулась. Не знала, что ответить. Шок. Страх. Восторг. Я была на седьмом небе от счастья. Ведь вы знаете, что от жен уходят не так часто. Ну, по крайней мере, не так быстро.

Я даже не рассчитывала на то, что он решится. Все-таки они давно вместе, и отношения у них были ровными. Она не бесила его, не раздражала. Жили-то неплохо. Он не жаловался.

Но решил. Ушел. И я обомлела. Ноги отказывались держать. Не помню, как добралась до дома, покупая всю возможную еду по пути. Хотелось накормить, обнять. И не отпускать.

Если вы спросите меня, как пахло счастье, я отвечу – шаурмой. Той самой, что я покупала ему в ресторанчике недалеко от дома. Мне хотелось его побаловать. Удивить.

Но он не стал есть. Выглядел так, будто его жевали волки, а потом собирали белки. Очень плохо выглядел. И я его понимала. Он совершил не поступок. Рывок. Он прыгнул со скалы. И прямо в мои руки. Счастье.

Мы смеялись и любили друг друга. А чем еще могли заниматься два сердца, которые наконец-то забили в унисон?

А потом... Потом началась жизнь. Не могу сказать, что было сложно. Нет! Было адски сложно. Я просто кожей чувствовала его постоянный анализ. Сравнение.

«Ага, моя жена стелет кровать по-другому. Ага. Еда у нее вкуснее. Ага...»

Я не бесилась. Я чувствовала отчаяние. Потому что соперничать с мертвой женой сложно. Мне рассказывала подруга, которая вышла за вдовца. Но блин, кто бы сказал, что когда жена живая, проблем не меньше... Она вот там – сидит в трех кварталах от меня со своими котлетами. И жарит их, жарит. А у меня не получается. Ну никак. Зато я на свою зарплату смогу купить хоть с тонну еды. Легко. Но он вспоминает котлеты.

На самом деле черт с ними, с этими котлетами. Дело не в них. А в том, что он привык, что его обхаживают. Он пришел и сел. Здравствуйте-пожалуйста, а есть что поесть? А я тоже пришла. И у меня йогурт в холодильнике. Потому что я не ем на ночь.

В общем, быт нас измотал нормально. Но честно, я же знала, что так будет? Знала. Поэтому грех жаловаться. Просто перетерпеть, подождать. Тем более тест. Две полоски. Счастье есть! Оно будет. У нас.

Я сама не верю, что так быстро. Развод только на следующей неделе. Но это уже формальность, неважно. У нас будет малыш. Ребенок. Пробую слово на вкус. Сладкое. Нереально сладкое. Ребенок.

Юра пришел поздно. И явно на взводе. Грею ужин, режу салат.

– Привет, любимый. Проголодался?

– Ага. Как волк. Что у нас сегодня?

– У нас праздник. А на ужин я потушила говядину со спаржей. И салат из редьки с помидорами сделала.

– Ты знаешь, я на работе поел. Так что не очень голоден. Но мясо буду. Устал как собака. Сегодня съездил к Ане, забрал вещи. Очень тяжело. Знаешь, она взяла котенка. Хороший малыш. Кошак ко мне даже не подошел. Шипел, скотина. А это я ведь его принес. Она странная, Аня. Так себя ведет спокойно. Точно есть у нее кто-то. Со мной улыбается, но вижу, что не мне. В сторону. Так что у нас там за праздник, ты говорила?

– Юр. У нас будет ребенок. Я беременна.

Юра затих. Растерянно. А потом улыбнулся.

У нас будет ребенок.

Это был последний счастливый день моей беременности.

А потом начались испытания. Токсикоз. Угроза. Больницы. Врачи. Я вся на нервах. А Юра где-то посередине. Он вроде со мной, а вроде нет его. И невозможно придраться. Все деньги, вся помощь – мне. И сидит рядом. Но не чувствую его. Нет его. Не со мной.

Роды сложные. Девочка у нас. Машенька.

Похожа на него. Даже залысины такие же. Смеюсь. Вот оно, мое счастье. Моя девочка. Моя. Девочка. Маша.

Юра берет на руки. Целует. А на глазах слезы. Реально плачет.

– Юр, миленький. Она наша. Наша, веришь?

Он молчит. Глаза мокрые. Трогает нос руками. Проводит по губам. Целует ее. И я таю. Вся таю. Вот они – дочка и Юра. Уже муж, отец. Мой, полностью мой.

Выписываемся. Идем за руку. Он несет люльку.

– Ну как ты жил без нас? – спрашиваю я.

– Скучал. Я скучал по своим девочкам, – отвечает.

И молчит. Не смотрит на меня, вышагивает тихо.

А мне почему-то грустно. Сердце сжимается. И чувствую неладное.

– Что-то случилось?

– Да нет. Ничего. Не переживай.

– Что-то с мамой?

– Да нет. Все хорошо. У мамы все хорошо. Не бери в голову. Все спокойно, – он пытается улыбнуться.

А я замираю. И мир мой замирает.

И мерещится мне в тишине его шепот:

– Свет, мне кажется, я влюбился.

Акт 4. Аня

Итак, я осталась одна. Что я чувствовала? Пустоту. Как будто из меня вынули все. До звона внутри.

Я написала смс подруге, и она позвонила.

– Ань, ну как ты? Он с концами уже, все?

– Да. Думаю, да.

– Может, мне приехать?

– Нет, Люб. Все хорошо. Я спокойна, – почти не вру.

– Ты давай там, держись. Какие твои годы, 36 – это не то, что не конец. Это только начало. Еще нарожать успеешь. Все будет хорошо.

– Да. Будет.

Я положила трубку. И выключила телефон.

Прошла по тихой квартире. Кошак был рядом. Не отходил. Да, Кошак – наш кот. Мы так его и назвали. С фантазией не очень, но прижилось.

Я знала, что рано или поздно это случится. Правда, знала. Что он уйдет. Одна общая ошибка молодости – и его жизнь продолжается. А моя уже впритык. Все. Пустота внутри начинает выжигать. И поплакать бы, но нечем. Пусто.

Не могу сидеть. Не могу ходить. Беру мусор, сгребаю ужин туда. Котлеты, от которых тошно. Не жалко, нет. Точно.

Выхожу из квартиры.

В подъезде жутко воняет. Капуста, моча, что-то еще такое же мерзкое. Мутит.

Подхожу к двери и натываюсь на коробку. Что это? Кто оставил мусор?

Блин, да там котята! Новорожденные, еще грязные, все липкие. Бросаю мусор, нагибаюсь. Четыре штуки. Вот черт! Где их мать? Твою ж налево!

Стою, жду, ищу глазами. Решаюсь выкинуть мусор. Подумать надо. Возвращаюсь – котята на месте. Одни. И кажется, уже мертвые.

Вот хрен! Хватаю коробку и несусь домой. Звоню подруге:

– Есть номер ветеринара, кто сможет подъехать?

– Ты там головой не стукнулась? Совсем ку-ку? Какой ветеринар?

– Люб, вызывай на мой адрес. Я в запаре. Потом расскажу. Только сейчас. Срочно.

Беру салфетки, воду. И что дальше? Хочется материться. Матерюсь как пьяный футбольный фанат. Отборно.

Обтираю, ощупываю, смотрю – двое точно живы, а остальные непонятно. Как, блин, понять? Растираю, вытираю, верчу. Они маленькие, с сосиску, детскую. Хвосты с сантиметр. Плачу. Блин, рыдаю в три ручья. Какая гадина их выкинула?

Звонок в дверь. Врач и Люба. Влетают. Люба видит мое лицо и руки и произносит:

– Ну точно чокнулась.

А я начинаю завывать на три октавы, в голос. И не могу остановиться. Ору и вою, от души.

Один малыш умер. Еще на улице, судя по всему. А может, при родах. Три других были вне опасности, но требовали ухода с погружением. Кормление по часам. Обтирание. Облизывание, твою ж налево.

Вот так я стала котомамой.

Кошак принял новых зверей на удивление спокойно и с интересом. Крутился рядом. А потом и вовсе залез в коробку. Греть.

Хороший кот. Настоящий.

Через пару недель у меня забрали двоих – Люба взяла для себя и знакомой. Один остался со мной.

И мы зажили втроем. Не могу сказать, что счастливо. Но одиноко нам точно не было. Хлопоты забрали все мои силы. Но вместе с тем, я почувствовала и облегчение.

Это как в анекдоте про козу. Когда стоило продать ее, и сразу стало легче дышать. Не могу точно сказать, кто был этой козой – Юра или котятка, но дышать точно стало легче.

Да что там – я жила! Свободное время, минимум грязной посуды и килограмма четыре веса в минус. Больше не готовлю. Аппетита нет. Приятные бонусы развода.

Кстати, с разводом уладили быстро. Юра хотел поговорить со мной. Но честно, я знала, что так будет лучше. Ему. И мне. У него – новая жизнь и шанс иметь детей. У меня – свобода и возможность не жить с мыслью, что я его лишаю будущего, продолжения рода. Се ля ви. Лучше в 38 лет развод, чем всю жизнь прожить на пустых квадратных метрах, как заложники одной ошибки.

В один из вечеров ко мне позвонили в дверь. Сосед сверху. Открываю и слышу:

– Вы, случайно, котят не видели?

А у меня прям сковорода зачесалась. Давно стояла без дела. Так и захотелось по башке ему дать.

– Видела. А что?

– А не знаете, где они?

– А вам какое дело?

И тут он удивил. Рассказал, что кошка у него беременная была. А ему надо было уезжать в командировку срочно, оставил с подружкой. Приехал, а кошка одна. Котят нет, киса с ума сходит, высохла вся, проблемы со здоровьем. Обошел часть соседей. Никто котят не видел и не слышал о них. А дама его молчит. Говорит, что кошка в подъезд выскочила, а потом пришла через два дня.

– Уже как бы месяц прошел, – сказала я ему, но к себе пустила.

Показала Котика (с фантазией у меня швах). И рассказала, как нашла коробку, как выхаживала этих котят, как один умер, а двое других нашли дом.

Так и познакомились с Андреем. Хороший мужик. Но вот девушка его... гадость. Хотя, скорее всего, бывшая девушка, насколько я поняла.

Коты мои росли. Вернее, один старел, другой знатно подрос. Котик и Кошак. Отличная команда. А главное – веселая.

Я работала и скучать некогда было. С Андреем нашли общие интересы. Ходили вместе в магазин, иногда в театр, кино. Было приятно чувствовать себя интересной. Я ожила и взбодрилась. А главное – поняла, что все правильно. Все получилось абсолютно правильно.

А вчера я в этом точно убедилась.

Шла днем по парку и увидела Юру. С коляской. Идет один. И меня явно видит. Я чуть не прыснула со смеху, когда поняла, что он мечется и не знает, куда себя деть. Испугался, бедолага.

– Привет, Юра, – говорю я и улыбаюсь.

– Привет, – смущенно отвечает он.

– Твоя коляска? В смысле, ребенок?

– Моя. Дочь, Маша, – говорит, а глаза его из пугливых превращаются в нежные, теплые.

По ним разливается солнце и тревога. Страх.

– Поздравляю, Юр! Правда. Поздравляю от души!

Улыбаюсь, дотрагиваюсь до коляски. Там лежит что-то большое и розовое, пушистое. Спит. И вот тут я понимаю, что все не зря. Глаза наполняются слезами. Не могу сказать, что

мне горько. Но чувства сложно описать. Зависть? Нет. Тоска? Да. Зеленая. Тягучая. И бессмысленная.

– Ань, прости меня. Прости! Я по тебе скучаю. Я бы сказал, что жалею о своем поступке. Очень жалею. Но...

И он смотрит в коляску. Я киваю.

– Нет, все правильно. Все правильно. Счастья тебе, – говорю и набираю ход.

– Ань, прости, – слышу вслед и ускоряюсь.

А вечером пришел Андрей. И я накидалась вдрызг. До зеленых соплей и прочих радостей. Он смотрел на меня с нескрываемым изумлением и неподдельным весельем, а я вела себя как дура. Ну, смех там, шутки, флирт. Вы поняли, скорее всего. Дура и есть. Отборная.

А потом уснула. В одежде. Кошак спал в ногах, а Котик на голове. Где спал Андрей, я не в курсе, если честно. И я не хочу отношений. Не сейчас. Когда свобода стала такой чистой и прозрачной.

А утром... Утром я решила. Знаете, я давно уже об этом думала. Но был Юра, и было его мнение. А сейчас... Сейчас я точно знаю, нет, я уверена в том, чем займусь сегодня. Беру телефон.

– Люб, привет. Помнишь, ты говорила, что твоя сестра работает в Доме малютки? Я могу с ней встретиться?

– Оу! Ань, ты уверена, что Юра вместо твоего чемодана мозг не захватил?

– Уверена. Теперь точно, на все сто!

– Пиши номер. Буду ждать тебя на остановке.

Как меня замуж выдавали

Это была сделка с совестью. Сердца. Да, я знала, что стану действующим лицом самого грязного спектакля, срежиссированного двумя отчаянными манипуляторами. Но я ничего не могла поделать со своим желанием. Непонятно, да? Сейчас объясню.

Я подслушала их разговор:

– Он отличный мужик, и мне точно не откажет. Сколько твоя Машка будет куковать в девках? Ты вон о внуках мечтаешь, а она по своим библиотекам бегаёт. Мышка серая. Так и добегаётся. А он одинокий, с квартирой. Машина, и та есть. Пусть едет. Я говорю – пусть.

– Но как я ее уговорю? Она же в жизни не согласится, когда поймет, что мы сводничаем.

– А с чего ей понимать? Дай наказ и пусть рулит. Сколько ей уже, 30?

– 27 пока.

– Ну, тоже не девочка.

Я стояла в коридоре и слушала. И внутри происходила битва мозга и души. Они хотят меня сосватать. Фу! В Москву. А у меня отпуск. И там есть что посмотреть. Да я в жизни туда не выберусь. Дорого, не потяну. А тут такая возможность. Решилась. Выдохнула.

– Ма, я согласна, – сказала я, усаживаясь за стол.

Дамы смотрели на меня с изумлением, смешанным с восторгом и жалостью. Докатилась.

– Ну и отлично, – сказала тетя Вера. – Я все устрою.

Так я оказалась в Москве. У Владимира. Его трехкомнатная квартира была пустой и просторной. Сам хозяин выглядел уставшим и раздраженным.

«Ой, как я тебя понимаю, бедолага», – думала я. Выдержать тети Верин напор не сможет никто. Он и не смог. И теперь явно расхлебывает. Без удовольствия.

Я мнусь. Смущаюсь. Но в сумке блокнот. А в блокноте список мест, которые я должна посетить за две недели. Достаяю из сумки гостинцы. Закатки, варенье. Владимир морщится. Я съезживаюсь. Но куда деваться? Улыбаюсь.

– Вкусно, вам обязательно понравится. Вы не переживайте. Я постараюсь быть тихой и незаметной.

– Что уж там, – махнул он и скрылся из виду.

Целыми днями я гуляла, расставляя галочки в своем блокноте.

В домашнее, так сказать, время, я пыталась быть полезной и хоть как-то отплатить Владимиру за гостеприимство. Готовила еду, убирала, стирала. Но деликатно, чтобы своими действиями не смущать хозяина.

Нет, правда, может, он и неплохой мужик. Но бирюк какой-то. Слишком занятой. Все эмоции на лице. Я наварю холодец, а он сидит со своими пластиковыми контейнерами с салатами. И точно не мужик, а финик. Будто не холодец в тарелке красуется, а лужа болотная воняет. Фу. И у самой кусок в горло не лезет. А есть-то охота. Весь день на ногах.

Вот сегодня нарубила мяса, сделала жаркое. А он мне: «Спасибо, Маша, я не голоден». И ушел.

Я поковыряла в тарелке и спать пошла.

Лежу, в голове перебираю воспоминания. Сегодня удалось в Третьяковке побывать. Ноги гудят, но и впечатлений масса.

Слышу крики соседские. Ненавижу ссоры. Аж в пот бросает. Вроде чужие люди, у себя в квартире, а так мне неуютно. Орут, посуду кидают.

Я пытаюсь заснуть. И тут крик:

– Ты его убил, убил! Пожалуйста, только не при детях.

Истошный вопль и плач. Детский.

Йопа мать! Подскакиваю.

Джинсы на сорочку. Выбегаю в коридор. Там уже стоит Владимир. В трусах и майке. Герой.

– Вы что здесь делаете? – шипит мне.

– А вы?

– Стойте тут. Я схожу. Там мой знакомый за стенкой. Нормальный мужик.

– Если не ошибаюсь, этот нормальный мужик кого-то убил.

– Не мог. Я его хорошо знаю. Блин, где мои штаны?

За стенкой опять послышался вопль и плач. Я выбежала на лестницу и забарабанила в дверь.

– Вернись, – шипел Володя.

– Да иди ты...

Я стучала в дверь руками и ногами. И звонила.

– Откройте, или я вызову полицию.

Выбежал Владимир в штанах.

– Сань, открой быстро. А то она вызовет полицию.

А мне шепчет:

– Нельзя полицию. Надо разобраться. Он военный, уволят его без разбору. И дети без денег останутся.

Он стучит в дверь сильнее. И как ни странно, дверь открывается.

Картина маслом: поле битвы, какой-то мужик нетрезвый, еще один с побитым лицом, больше похожим на отбивную. Женщина в слезах и дети. Двое детей.

У меня пелена перед глазами. Шиплю с улыбкой, чтоб не напугать малышку:

– Совсем ку-ку? Офонарели? Быстро детей сюда!

Они что-то там лепечут. Женщина плачет. Володя врывается в квартиру ураганом. Я не отстаю. Хватаю в охапку детей и вывожу их с поля боя. Девочки. Одной на вид три, другой и того меньше. Не плачут. Спят на ходу.

Я что-то лепечу и сюсюкаю. Они идут за мной. Завожу в квартиру. Укладываю на кровать. И глажу, глажу, глажу. А самой хочется убивать, орать, рыдать. Буря внутри. А эти большие, огромные глаза смотрят на меня.

– Не бойся, милая, это сон. Тебе все это снится. Сон, малышка моя.

Глажу девочку постарше. Вторая сосет палец и засыпает.

Через час в квартире появляется мать с чемоданом. Владимир в ванной шьет рану. Окачивается, ему это не впервой. Надо будет узнать, врач, что ли?

Не спрашиваю. Все и так понятно. Алкоголь, ревность, драка. Мать плачет, извиняется. Я помогаю одеть детей. Она к маме собралась. Я молчу. Молчу.

Внутри меня пожар. Но дело не мое.

Благодарит. Киваю. Глажу девочку с большущими глазами на прощание и надеюсь, что это все не отпечатается у них. Не запомнится. Пройдет бесследно. Молюсь. Хоть бы так. Без последствий.

Они уходят. Я помогаю убрать бинты и мусор. Сажусь в ванной на пол и сижу. Сил нет. Есть печаль.

– Все, Маш, вставай. Пошли на кухню.

Сели. Владимир достал кастрюлю с борщом, жаркое. Поставил тарелки, приборы, сметану. Навалил под завязку и начал поглощать. Просто как пылесос всасывать.

Я смотрю на него не моргая.

– Всю вечность мечтал. Вкуснятина какая. Ты чего не ешь?

На ты? Ну ладно.

– Не хочу. Поздно уже. Да и так, кусок в горло не лезет.

– Зря, – произнес и налил еще борща.

Он стучал ложкой и поглядывал на меня с интересом, уже без отвращения.
До моего отъезда оставалось десять дней.

Утро началось со стука в дверь. Смотрю в глазок – сосед. Тот, что вчера кулаками махал. Ага, очень нужно мне с ним общаться. Открываю дверь, он смотрит в пол и извиняется. Киваю. Жалко его. Хотя детей еще больше.

Голова гудит. И состояние такое разбитое. Вчера Владимир полночи ел борщ и рассказывал мне про соседей. Какой Саша хороший мужик. Герой боевых действий. И как его любят, потому что он всем помогает. Не мужик, а Тимур и его команда, ей-богу. Вот только ревнивый. Да и жена-красотка повод дает периодически. Вот, не выдерживает парень.

В общении с Владимиром будто рухнула стена. Теперь он не похож на финик. Скорее – на пылесос. Всасывает мой борщ только так. Приятно. А еще, оказалось, что он хирург в прошлом. Сейчас в управлении какой-то клиники. Не поняла толком, но уважением прониклась.

Он вчера сказал, что я уже пятая соседка за этот год. Пятая. Бедняга. Я заужала тетю Веру еще сильнее. Ведь как и за что надо держать мужика, чтобы вытворять с ним такое? И вроде тот не вафля, а хирург. А ведь терпит. Принимает гостей. Хоть и с кислым лицом.

Я тоже выдала свой секрет, что я вовсе не невеста. А турист-халявщик. Он посмеялся и расслабился.

Короче, мы достигли перемирия и даже прониклись друг к другу симпатией. Обещал устроить экскурсию по ночному городу. А это мечта. Увидеть башни Сити, Краснопресненскую набережную как с картинки. Этих впечатлений мне на всю зиму хватит.

Сегодня я решила гулять на Речном вокзале. Чудесные места, огромный парк. Недалеко от дома, что тоже в плюс.

Прогуливаюсь по тропинке и вижу... Нет, только не это! Естественно, пьяного соседа-тимуровца. В состоянии, близком к смерти. А рядом мужики какие-то вьются. И нет бы, мимо пройти. Не могу. В голове слова Володи о том, какой чудесный человек живет по соседству. А этого человека уже окружают коршуны.

Матерюсь про себя и иду к Саше. Беру его под руку:

– Пошли, тимуровец.

Он смотрит на меня не моргая, а потом начинает заваливаться.

Ладно, он не первый пьяный муд... мужик в моей практике. Поэтому подхватываю его и тащу к лавке. В уме считаю деньги и вызываю такси. Даже не знаю, почему я такая дура? Первое место среди дур мое по праву.

Прошу таксиста помочь. Видно, что в его жизни это тоже далеко не первый муд... мужик. Делает все ловко. Укладывает Сашу на заднее сидение и открывает мне дверь.

– Муж? – с сочувствием спрашивает он.

– Нет, но, возможно, я его усыновлю. Ошибка моего разума. Третий раз вижу человека. Таксист начинает ржать.

– Сергей. Я Сергей. Сейчас доедем быстренько. Помогу вам, сердобольная барышня.

– Спасибо большое. Мария. Маша.

Я рассказываю, что это сосед моего друга. Хороший человек. Герой боевых действий. Ну и по списку. Все, что знаю.

Сергей с сомнением смотрит на Сашу и ухмыляется.

– Прямо не человек, а боевое знамя, которое мы с гордостью носим.

– Жена от него ушла. С детьми, – говорю я, а он смягчает выражение лица.

Доехали быстро и без неприятных приключений. Сергей помог мне доставить Александра на второй этаж. Я постучала, хотя понимала всю тупость затеи. Но нет!

Дверь открыла его жена.

Сергей посмотрел на меня с сомнением. А я на нее с недоумением. Ну, она, в свою очередь, на мужа – с жалостью. Втащила его в квартиру, поблагодарила и закрыла дверь.

– Высокие отношения, – сказал Сергей.

– Любовь, наверное, – ответила я.

Денег он с меня не взял. Сказал, что сам любит творить добро по четвергам. Сегодня, кстати, среда. Ну да ладно.

«Сплошные тимуровцы на моем пути», – подумалось мне. А тем временем истекал пятый день моего пребывания в Москве.

Вечером на телефон пришла смс.

«Привет. Это Сергей. Как насчет экскурсии по Москве от того, кто ее знает?»

«Привет. Меня в машинах укачивает», – вру я.

«Заметано. Идем пешком. Встречаемся на Таганской в центре зала в 11:00. Пойдет?»

Думаю. Думаю... А почему нет? Да!

«Пойдет»

Улыбаюсь.

Вечером возвращается Владимир. И дома его ждет вкуснейший ужин. За стенкой на удивление тихо. А на душе радостно. Впереди еще девять дней.

Он меня уже ждал. Хотя я пришла вовремя. Стоял, поглядывал на часы и переминался с левой на правую. Явно нервничал.

– Привет, – улыбаюсь я.

– Привет. Времени нет объяснять. Побежали! – он хватается меня за руку и тащит к выходу. Я ничего не понимаю, но почему-то мне так легко и весело, как в детстве.

– На яблоко. Такое же красивое, как ты.

– Да я смотрю, ты мастер комплиментов.

Беру яблоко. Оно пузатое и красное. А я вроде не такая. Но настроение не портится.

– Что-что, а ухаживать я умею, – смеется он, и мы заскакиваем в автобус.

– Далеко ехать?

– Нет, не очень. Но яблоко съесть успеешь.

Мы болтаем. Смеемся без остановки. Яблоко давно превратилось в огрызок и покоилось в моей руке. Сергей заметил это.

– Давай сюда.

Взял огрызок. Стоял, вертел его. А потом засунул в карман рядом стоящему мужчине.

– На выход, – схватил меня за руку, и мы выскочили из автобуса.

Честно, я потеряла дар речи. Смятение, стыд. И какая-то невероятная радость. Мне так же весело, как было в четыре года, когда мы с подружками играясь подожгли подвал. Веселье кончилось, когда забежали наши родители с ведрами. Чем кончится это знакомство для меня? Тремя часами ковыряния стенки в углу комнаты?

Не хочу думать. Не хочу. До конца отпуска – неделя. И я планирую провести ее по максимуму.

Мы гуляли. Сергей водил меня по каким-то улочкам в центре. Показывал великолепные виды. И рассказывал смешные истории. От него я узнала, что он никогда не был женат. Работа в такси – то, что по-настоящему ему нравится. Жизнь на колесах. Странник. Странный.

Но с ним так легко и весело, как не было никогда. Глоток воздуха.

Вечером меня ждал дома Владимир. У него появилось время на экскурсию. И я не стала отказывать, хоть ноги гудели, а щеки болели от смеха.

Красота ночного города меня покорила. Тишина дорог и огни. Бесконечные огни. Светло как днем. И... монументально.

Володя оказался прекрасным собеседником. Очень умным и интересным. И совсем не противным, как мне казалось в первые дни. Просто обстоятельным. Серьезным.

– Володя, а почему ты не отказал тете Вере? Почему она превратила твою квартиру в приют невест?

– Это долгая история.

– Но я очень хочу ее узнать.

– Моя мама и тетя Вера были лучшими подругами. С детства. И когда мама заболела, тетя Вера примчалась. И ухаживала за ней. Помогала мне. Знаешь, как тяжело мужчине ухаживать за больной матерью? Нет, не так. Знаешь, как тяжело быть одному, когда твоя мама болеет?

Я киваю. Хотя, слава Богу, не знаю. Только могу представить.

– Ну вот. Мама умерла. А тетя Вера пообещала меня не оставлять. Вот и не оставляет.

Он улыбнулся. Я улыбнулась в ответ.

– Но ты же можешь сказать ей, что невесты тебе ни к чему?

– Ага, она же вас не как невест представляет. Дочка моей знакомой. Я сразу реально купился, что так и есть. Пока одна из «дочек» не начала слишком форсировать события. Я еле дождался, пока она уедет. Даже тете звонил, просил. Потому что было невыносимо чувствовать себя дичью. И тут ты со своими борщами благодарности. Думал, тоже в атаку пошла.

Я смутилась.

– Просто меня так воспитывали, что надо быть благодарной.

– Угу.

Он кивнул.

– Хорошо воспитали. Я уже пару килограмм набрал. Скоро брюки лопнут.

– То ли еще будет, – рассмеялась я.

Дни моего отпуска летели со скоростью света. Днем я гуляла. Иногда ко мне приезжал Сергей, когда был свободен. И вдыхал в мой отпуск свободу и веселье. Он рассказывал смешные истории, угощал меня то конфетами, то газировкой, и возвращал в детство. Он сразу признался, что запал, и не будет ходить вокруг да около. А я объяснила, что отношения меня сейчас интересуют меньше, чем красоты города. И вообще, к курортным романам я отношусь критически. Точки были расставлены, но он продолжал меня развлекать, приезжая то на 30 минут, то на пару часов. Станный. Странник.

А вечера я проводила на кухне с Владимиром. Готовила ужин, а потом мы его ели и долго пили чай, обсуждая все на свете. Уютно и по-домашнему.

Соседей больше не было слышно. Только однажды я увидела жену Саши. Она шла домой с этим парнем, с разбитой головой. Шла и смеялась. А мне стало очень-очень грустно. И жалко Сашу.

Отпуск подходил к концу. Насыщенный, чудесный отпуск, который как сладкий сон, от которого не хочется просыпаться.

А надо бы – 13-й день закончился. Пришла пора собирать чемоданы.

Владимир отвез меня на вокзал и обнял на прощание.

– Приезжай еще, невеста, – улыбнулся он. – Я буду скучать по тебе и борщам.

Я улыбнулась в ответ:

– Спасибо за приют, жених. Ты тоже, если будешь в наших краях, рассчитывай на мое гостеприимство. Это был прекрасный отпуск. Спасибо.

От Сергея приходили бесконечные смс. Но я уже не отвечала. Зачем пудрить парню мозги и отнимать его время? Я отправила смс с благодарностью за чудесные экскурсии и настроение. Пожелала счастья. И выключила телефон. Отпуск закончился. Пора принимать важные решения.

Квартира встретила звенящей пустотой. Еще пару недель назад тут и там лежали его вещи: щетка, пена. В углу отдыхали носки. На кресле брюки. Хаос, конечно. Но жизнь. Моя жизнь.

Я сама выгнала его. Сложно было, да. Но необходимо. Он не был готов к ответственности. Так и сказал:

– Маш, я не готов. У меня планы, работа...

Работа, что-то там еще. Он перечислял, махал руками. Я сидела как замороженная рыба, выпучив глаза и сжав губы.

А потом выгнала его. Так некрасиво. Выкинула вещи. Щетку эту, носки. И он ушел.

А я молча собрала разбросанное и уселась на диван. Тогда я осталась в одиночестве. Хотя нет, вру. Теперь я точно никогда не буду одна. Внутри меня сейчас живет новая жизнь. Семечка. Моя семечка.

Я бросила чемодан и прошла по квартире.

Зазвонил телефон.

– Алло, Машенька. Это тетя Вера. Не расстраивайся. Подумаешь, Володька. Тоже мне, принц нашелся. Все носом вертит. Ты не переживай. Я с твоей мамкой не стала связываться. С ней каши не сварить. А ты девка хваткая, как я посмотрю. Короче, есть у меня еще один вариант. В Ленинград не хочешь смотаться? Хороший парень, работа, квартира...

Я рассмеялась. Хохотала до икоты.

– Эй, ты чего там? Поедешь? Я все устрою.

– Тетя Вера, спасибо. Вы – Человек! С большой буквы.

– Так я не поняла, поедешь или нет? Звонить?

– Нет, тетя Вер. Я отдохну немного. Да и с работы не отпустят. Отпуск я уже отгуляла.

Я попрощалась и положила трубку. Настроение резко поднялось. Все-таки отпуск я провела отлично. Как не крути, а моя авантюра удалась. Главное – все встало на свои места. И сомнения отпали окончательно. В ту ночь, когда я гладила Сашину дочку и смотрела в ее глаза. Глубокие-глубокие. У моей дочки будут такие же. Хотя даже лучше. Самые лучшие глаза в мире! Синие. Даже если его.

Включаю телефон.

Смс. Сергей: «Привет. Я скучаю»

Смс. Владимир: «Как-то пусто без тебя. Напиши, как доедешь»

Улыбаюсь: 14 дней, а сколько событий!

Пишу Владимиру: «Не скучай, т. Вера готовит новобранца. Наслаждайся одиночеством»

Смс. Владимир: «Надо продавать квартиру и бежать в Лондон или Китай. Там проще затеряться»

Пишу: «Она тебя и там найдет, просто поверь. Прими как неизбежное. И выбери себе уже жену»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.